

Ю.Д. ГРАНИН, д. филос. наук,
ведущий научный сотрудник
Институт философии РАН

К проблеме реальности в современной социологии: исчезновение «группы»?

В статье анализируются философские и методологические основания социально-конструктивистского направления в современной социологии, представители которого предлагают отказаться от понятия «группа».

Ключевые слова: *группа, деконструкция, реальность, класс, нация, этнос*

Понятие «группа» является базовым для российских социально-философских и социологических исследований. Вспомним знаменитое ленинское определение классов, которое до сих пор используется отечественными авторами: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению к средствам производства...». Точно так же через понятие «группа» (группы) дается определение: 1) «*расам*» (хотя они определяются и как популяции), 2) «*этносам*» (группам людей, объединенных общими признаками: языком, территорией проживания, культурой, психологическим складом и т.д.) и 3) «*нациям*». В современной литературе и учебниках такого рода определения остаются весьма распространенными.

Вместе с тем в социологических исследованиях постструктуралистского направления (Э. Гидденс, П. Бурдье, П. Штомпка и др.) продуктивность использования перечисленных понятий давно поставлена под сомнение [1]. В целом это связано с «когнитивным поворотом» в социальных науках (1960-е годы), акцентировавшим внимание на определяющей роли субъекта и его «языка» в процессе познания [2]. В нашем случае речь будет идти о влиятельном (и крайне неоднородном) *направлении социального конструктивизма*, поставившем целью подвергнуть критике концептуальный аппарат традиционных

исследований классов, этносов, наций и национализма.

Ведущими представителями этого направления в нашей области являются Роджер Брубейкер, Фредерик Купер, Мара Лавмэн, Петр Стаматов, Дэвид Лэйтон. В свое время их работы оказали значительное влияние на отечественных исследователей (В.А. Тишков, В.С. Малахов и др.), из рядов которых раздались призывы «забыть» об этносах и нациях. Последние было предложено понимать не иначе как «категории политической практики», используемые националистами для достижения своих целей. Этот взгляд разделяет редакция (И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов) и авторы достаточно авторитетного журнала «AB IMPERIO. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве», считающие, что в дискурсе об империи и национализме существует устойчивый «миф» – эссенциалистское представление о «реальном» существовании империй, наций и национализма. Как полагают авторы, *необходима деконструкция понятий «империя» и «нация» как аналитических категорий, знаменующая собой «эпистемологический поворот» – переход к «новой оптике» – парадигме «стратегического рефлексивизма»* [3].

Какова же эта новая теоретическая оптика? Чтобы ответить на этот вопрос, имеет смысл обратиться к идеям Р. Брубейкера, К. Вердери, Ф. Купера и их последова-

телей, сосредоточившись на философских основаниях и методологии их подхода к интерпретации социальной реальности, концентрированно изложенных в сборнике статей (1999–2004 гг.) под общим названием «Роджер Брубейкер. Этничность без групп» [4]¹.

Если попытаться выявить эпистемологические основания подхода Брубейкера к пониманию социальной реальности, то они сводятся к *истолкованию социального мира как процесса и результата предметной и языковой деятельности индивидов, в котором нет ничего «ставшего»*, – всё находится в изменении. При этом жестко критикуются современные школы социального анализа, которые продолжают трактовать «этнические группы» и «нации» как некие сущности и оценивать их как «акторов». Фактически Брубейкер предлагает отказаться от устоявшихся категорий социальных наук («раса», «этничность» и др.), которые, на его взгляд, проистекают из веры «в онтологию группы». По его мнению, не только в обычном разговоре, политическом анализе, медийных новостях, но «даже во многих конструктивистских академических работах повествования об этническом, расовом и национальном конфликте обычно фреймируются в группистских терминах как битвы “между этническими группами, расами и нациями”» [4, с. 25]. Между тем, считает Брубейкер, обращение к категориям «раса», «нация», «этнос» есть результат некритического использования в науке «категорий здравого смысла», которые в действительности являются инструментами «примордиализма участников» или «психологического эссенциализма» действующих лиц этнических конфликтов. «Они часто воспринимают этнические группы, расы и нации как действующих лиц (героев и мучеников) соответствующих столкновений. ... Но мы, – пи-

шет Брубейкер, – не должны некритически принимать категории этнополитической практики в качестве собственных категорий социального анализа» [4, с. 27].

Разумеется, не должны. Но как отличить «категории практики» («народной социологии») от «категорий социального анализа» и – шире – «категорий науки»? Надежного критерия Брубейкер не дает. Но обращает внимание на то, что категории этнополитической практики (этничность, раса, нация и др.) осознанно используются «дельцами от этнополитики» и, соответственно, имеют *перформативный* характер. «Говоря о группах, – пишет автор, – они хотят вызвать их к жизни, мобилизовать их. ... Овеществляя группы, трактуя их как субстанциальные вещи-в-мире, деятели в сфере этнополитики (представители государства, неправительственных организаций и движений – Ю.Г.) могут внести лепту в производство того, что они описывают или провозглашают» [4, с. 27–28]. Именно в *овеществлении* групп, продолжает Брубейкер, «и заключается бизнес деятелей на ниве этнополитики. Когда им сопутствует успех, политическая фикция единой группы может получить недолговременную, но мощную практическую реализацию» [4, с. 28]. Ученый-аналитик должен объяснить, как, какими способами формируется это недолговременное «кристаллизованное чувство группы», но овеществлять группы не должен. «*Этничность, раса и нация должны быть осмыслены не как субстанции, вещи, сущности, организмы или коллективные личности... но в реляционных, процессных, динамических, событийных и разукрупненных терминах*» [4, с. 29].

Таким ключевым термином, фиксирующим внимание на событийном характере социальной реальности, Брубейкер предлагает считать «групповость» – понятие, ко-

¹ Только четыре из восьми статей книги написаны лично Брубейкером. Остальные написаны в соавторстве с Фредериком Купером, Марой Лавмэн и Петром Стаматовым, Дэвидом Лэйтоном и Марджит Файшмидт.

торое должно заменить исследователю эссенциалистский термин «группа». Точно так же вместо понятий «этничность», «нация» и «раса» следует использовать термины «этнизация», «национализация» и «расисизация», подчеркивающие процессный характер этих социальных явлений.

Развернуто и подробно «разукрупняющий» подход Брубейкера представлен в его совместной с Ф. Купером статье «За пределами идентичности» [4, с. 61–126], где *авторы предлагают заменить понятие идентичность (связанное с идеей постоянства) тремя группами терминов*. В качестве таких терминов предлагаются понятия «идентификация», «категоризация» (человека – другими людьми и государственными институтами), «самопонимание», «общность», «связанность» и уже упомянутое «групповость» [4, с. 89–101]. По мнению авторов, они более приемлемы для анализа сложной и текучей социальной реальности, нежели многозначное, размытое понятие идентичности.

Разумеется, само по себе уточнение языка дисциплин, изучающих становление и эволюцию больших и малых социальных групп, не может вызывать возражений. Тем более что Брубейкер и его последователи на конкретных примерах демонстрируют эвристичность новых терминов. Так, например, понятие «категоризация» фиксирует весьма важный и зачастую неосознаваемый момент повседневной практики: *навязывание людям государственными институтами их социальной (этнической, классовой и др.) принадлежности*. Инструментом такого навязывания служат государственные «переписи» и записи в паспортах, которые в периоды социальных напряжений и войн могут стать аргументом для переселений и депортаций. Все так. И тем не менее аргументация о необходимости отказа от традиционных, широко используемых понятий уязвима с точки зрения и истории, и философии науки.

Во-первых, Брубейкер неявно исходит

из односторонней детерминации социальных наук социальной (прежде всего – политической) практикой, формирующей «народную социологию», откуда научная (аналитическая) социология якобы некритически заимствует понятия «расы», «нации», «класса» и другие «группистские» термины. *Относительная самостоятельность и обратное влияние науки на социальную практику автором не учитываются*. Например, термин «раса» возник еще в XVIII столетии отнюдь не в рамках народной социологии и не является только продуктом европейских колониальных практик, а появился в границах физической антропологии, которая, испытав на себе влияние культурных смыслов, тем не менее зафиксировала антропологические различия между людьми. Цвет кожи, особенности строения тела, обменных процессов, наследственности – эти и другие физиологические различия имеют объективный характер, и ученые-антропологи, признающие, в отличие от Брубейкера, биосоциальный характер природы человека, эти различия учитывают. *Так что «раса» была и остается компонентом «научной (антропологической) реальности», и отказываться от него только потому, что его используют дельцы от политики, наука не спешит*.

Примерно так же обстоят дела с терминами «класс» и «нация». Если термин «класс» был введен в научный оборот в XIX веке историками эпохи Реставрации и затем активно использовался классическим марксизмом (откуда и проник в политический язык и социальные практики), то понятие «нация» имело более извилистую судьбу. Как и многие понятия самых разных наук, оно действительно было заимствовано из обиходного, и в частности политического, языка, однако со временем обрело в новых теоретических контекстах новое содержание и новые смыслы [5]. И в этом нет ничего удивительного. Многие понятия, повторю, наука заимствует из

обыденного языка и из социальной практики, наделяя их, разумеется, новым содержанием, которое со временем уточняется. Так что аргумент о том, что надо избавляться от «категорий практики» в социальном анализе, не является вполне убедительным, ибо, попав в тело науки, эти понятия переосмысливаются.

Так, в частности, произошло и с понятием «нация». Если раньше оно действительно интерпретировалось в группистских терминах, то в современных исследованиях, обращающих внимание на то, что принадлежность к нации определяется человеком в процедурах самоидентификации, понимается не как «группа», а как «социальная общность». То есть связанная посредством воображения и сплоченная общими чувствами идентичности и солидарности, общими ценностями прошлого и настоящего *социокультурная общность людей, политически объединенных в одном государстве*. Последнее совместно с институтами гражданского общества посредством систем массовых коммуникаций и системы образования формирует у людей воображаемый ими образ «нации» («Россия», «Франция» и т.д.) и «гражданское сознание», которые доминируют над более древними расовыми и этническими идентичностями.

Возможно, понятия «нация» или «этнос» не имеют высокой инструментально-аналитической ценности, но это не повод от них отказываться. Они могут быть продуктивно использованы в междисциплинарных концепциях большой степени общности. Тем более не следует квалифицировать их как «фиктивные понятия», созданные исключительно в процедурах культурной репрезентации социального мира.

Этот вывод следует из анализа статьи Брубейкера «Этничность как познание» [4, с. 127–167], которая имеет важное значение для понимания собственно эпистемологических и методологических оснований его позиции. Эти основания можно оха-

рактеризовать как когнитивно-лингвистический конструктивизм и релятивизм, изрядно приправленные методологией инструментализма. Они позволяют ему не только «объяснить упорное отстаивание группизма на практике», но и «закладывают серьезные основы для трактовки расы, этничности и национализма как совместных, а не отдельно взятых суб-областей» [4, с. 128]. Отсюда следует, что «расовые, этнические и национальные группы следует трактовать не как субстанциальные сущности, а как коллективные культурные репрезентации, как широко распространенные способы рассмотрения, понимания, анализа социального опыта и интерпретации социального мира» [4, с. 152]. Эпистемологическая подоплека этого взгляда состоит в переносе внимания аналитиков на «создание групп» и «группирующие» деятельности, такие как классификация, категоризация и идентификация. Именно эти когнитивные процедуры – и прежде всего «категоризация» населения, осуществляемая спонтанно индивидами, государствами и организациями, – создают «группы» и «приписывают» к ним членов. И вне этих многочисленных и повсеместных актов категоризации группы не существуют. «Раса, этничность и национальность, – утверждает Брубейкер, – существуют только в наших восприятиях, интерпретациях, представлениях, классификациях, категоризациях и идентификациях – и только через них. Они не вещи-в-мире, а точки зрения на мир, не онтологические, а эпистемологические реальности» [Там же].

Все это очевидный субъективизм и психологизм, хотя Брубейкер такую оценку своих взглядов и отрицает [4, с. 153–154], ссылаясь на связь того, что происходит в головах людей, с тем, что происходит публично. Его подход, как пишет он сам, есть лишь «попытка мыслить реляционно, а не субстанционально» [4, с. 155]. Но главное – он не видит связи между «онтологией» и «эпистемологией» в научном познании.

Разумеется, протест Брубейкера против наивного реализма и отмечаемая им зависимость содержания знания от языка исследования, испытывающего влияние культурно-исторического и социального контекста, не могут вызвать возражений [6]. Социальная реальность действительно конструируется не только посредством образующих теории и парадигмы категориальных сетей и методов исследования, но и в процессе нагруженной культурными смыслами когнитивной и вербальной активности субъекта.

Вместе с тем констатация данного обстоятельства отнюдь не снимает, а лишь актуализирует вопрос о наличии независимого (объективного) от субъекта содержания научного знания [7]. Именно эта проблема, по нашему мнению, осознанно выносятся «за скобки» рассуждений сторонниками социального конструктивизма, придерживающихся, в зависимости от предпочтений, релятивистской, конвенционалистской или прагматической концепций истинности социального знания.

Литература

1. Качанов Ю.А., Шматко Н.А. Как возможна социальная группа (к проблеме реальности в социологии) // Социс. 1996. № 12. С. 90–105.
2. Касавин И.Т. Социальная эпистемология: понятие и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. VII. № 1. С. 5–15; Касавин И.Т. Конструктивизм: заявленные программы и нерешенные проблемы // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. V. № 1. С. 5–14.
3. Герасимов И., Глебов С., Кусберг Я., Могильнер М., Семенов А. Новая имперская история и вызовы империи // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. С. 383–418.
4. Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой. М.: Высшая школа экономики. 2012. 408 с.
5. Гранин Ю.Д. Этносы, национальное государство и формирование российской нации. Опыт социально-философского исследования. М., 2007. С. 9–39.
6. Розов М.А. Неклассическая наука и проблема объективности знания // Высшее образование в России. 2006. № 2. С. 145–154; Сапунов М.Б. О проблеме реальности в истории и философии науки // Высшее образование в России. 2012. № 2. С. 147–155.
7. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000; Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм. М.: ИФРАН, 2004. 242 с.

